

сти данных решений может быть заявлено до удаления суда в совещательную комнату. Решение, принятое судом по такому ходатайству, обжалование в апелляционном и кассационном порядке не подлежит. Оно может быть проверено по жалобе сторон или представлению прокурора наравне с другими доказательствами при проверке законности, обоснованности и справедливости приговора, постановления, определения суда».

Примечания

¹ См., например: Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. С. 8; Белкин А.Р. Теория доказывания. М., 1999. С. 38.

² См.: Балакшин В.С. Доказательства в уголовном процессе: материальный, процессуальный и информационный аспекты // Рос. юрид. журнал. 2008. № 6. С. 140.

А.А. Козявин*

ПРИНЦИП ИСТОРИЧНОСТИ МОРАЛИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

Роль морали в регулировании общественных отношений, в том числе в сфере борьбы с преступностью, всегда занимала умы юристов и философов. Соотношению морали и права в нормативном регулировании посвящена масса работ по философии права, юридической этике и этике уголовного процесса.

Философия трактует нравственность как категорию этики, «обозначающую особую форму общественного сознания и вид общественных отношений, цель которых — сформировать способы нормативной регуляции поведения и действия людей в обществе»¹. Современного исследователя всегда при этом интересовали сущность, содержание и структура морали, в которых, по сути, скрывается сакральный смысл, понимаемый или отвергаемый индивидуальным или коллективным сознанием. Анализ не столько монографической, сколько учебной литературы, имеющей своей целью не осмысление, а разъяснение и усвоение теоретических и практических аспектов этики права, обнаруживает,

---

* © Козявин А.А., 2010

Козявин Андрей Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Курского государственного технического университета

** Статья подготовлена с использованием гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-4149.2009.6

что исследование регулятивной сущности нравственности в системе социально-правовой регламентации общественных отношений, в том числе и в сфере борьбы с преступностью, вращается вокруг извечных категорий: добро, зло, долг, свобода, честь, достоинство, справедливость, гуманизм, а также проблем общего и особенного в морали и праве, диалектике их телеологического взаимодействия, наконец, происхождения и источников. Важное значение приобретает цивилизационный подход, ибо нравственные нормы и императивы, моральные ценности достаточно ярко характеризуют не только индивида, социальную группу, народ, но и целую социокультурную общность, генерировавшую и передающую поколениям определенную нравственность как некую квинтэссенцию ее идеологии в основном в форме мировой религии (Е.А. Лукашева).

Каково же значение всего сказанного для уголовного судопроизводства современной России? Во-первых, при всей уникальности каждого уголовного дела производство по нему может быть осуществлено лишь по одному из немногих исторических типов — розыскному, обвинительному, состязательному, смешанному, которые тоже есть наследие развития цивилизации и ее морального облика. Во-вторых, место России на правовой карте мира — это извечный вопрос: принадлежим ли мы к западной правовой и нравственной культуре, к восточной или имеем право на собственный путь? В сущности правовые реформы последних 20 лет, в том числе и российского уголовного процесса, испытали последствия нерешенности этого вопроса в отечественной философии права. В-третьих, Россия находится в условиях нравственного кризиса (это признано всеми), последствия которого отражаются на аксиологической основе уголовного судопроизводства, системе преобладающих и отстаиваемых профессиональными участниками уголовного процесса ценностей и ожиданий.

Поэтому становится закономерной постановка ряда вопросов: имеются ли непреходящие нравственные ценности или мораль исторична, т. е. зависит от конкретного этапа развития общества; как это отражалось на развитии уголовно-процессуальных систем; почему имеется четко зримое расхождение между тенденциями в нравственном понимании жизни и практике его воплощения, в том числе и в российском уголовном судопроизводстве?

Желание сформулировать универсальное правило морали достаточно часто находило в религии и философии конкретные воплощения. Достаточно вспомнить правило «делай людям то, что желаешь себе» или «не делай того, чего не желаешь себе», которые встречаются и у Конфуция, и в догмах христианства, и у И. Канта. Приверженцы материалистической школы философии права доказывали, что мораль — это совокупность вечных непреходящих ценностей добра; нравственность же представляет собой «обычай,

традиции, формы поведения, которые характерны для конкретной эпохи. Нравственность может носить как положительный, так и отрицательный характер, быть высокой или низкой по своему качеству»².

С другой стороны, в культуре античности не спроста возникло эмоциональное восклицание «О времена, о нравы!», когда люди, ссылаясь на исторически предшествовавшие правила социального общежития как образец, критиковали современные, «молодые» нормы поведения. Кроме того, если и существует комплекс непреходящих ценностей (мораль), то никто не в состоянии ее сформулировать – это больше религиозное верование в существование того, что не может быть, например по И. Канту, подчинено познанию³. Наконец, нравы, формы поведения, традиции и обычаи – это историко-этнические категории, которые позитивны или негативны, высоки или низки как раз с позиции нравственных ценностей говорящего о них человека.

Интересна концепция В.И. Букреева и И.Н. Римской, которые основополагающим сделали вопрос о структуре нравственности, ее фундаментальных ценностях в их взаимосвязи и детерминировании права именно проблемами нравственности. По их мнению, главной ценностью нравственного является свобода как «высшая форма духовности в человеке», при этом «свобода ради свободы – это сокровенная внутренняя ценность». Затем идут ей подчиненные: добро – «ценность культуры, способ общения людей в условиях человеческого рода», правда, далеко не однозначное; долг – «социальный категорический императив», больше в понимании И. Канта; необходимость – «требование законов, которые господствуют объективно в мире»⁴. Похожую схему приводит и известный специалист по уголовному процессу А.С. Кобликов⁵.

В уголовном судопроизводстве, следует констатировать, универсальных нравственных ценностей нет. Во-первых, цели и функциональную направленность уголовно-процессуальной деятельности всегда предписывает политический режим государства, в котором она осуществляется, а они изменчивы и всегда стремятся себя нравственно переутвердить, наполняя новым содержанием вроде бы те же категории морали – добро, справедливость и т. д. Во-вторых, уголовный процесс осуществляется в конкретно-историческую эпоху личностями, образовательные качества которых основаны на ее ценностях. Процессуальные решения выносят люди, в той или иной мере руководствующиеся внутренним убеждением и оценивающие доказательства и доводы. В-третьих, уголовный процесс – это система социального взаимодействия, в которое вступают разнонаправленные, профессионально и личностно обусловленные интересы, которые не могут в принципе руководствоваться общим «золотым» правилом морали. Цель уголовного процесса – отнюдь не делать другим

то, чего желаешь себе или наоборот, ибо предметом уголовного дела является проявление порочной сущности человека, нарушение правил общежития. Кроме того, следовательно, судья, прокурор в силу публично-правового статуса не ставит себя на место обвиняемого, потерпевшего, а обвиняемый, потерпевший не ставит себя на место следователя, судьи, прокурора. Поэтому поддерживаем точку зрения, что этика уголовного процесса — это наука о нравственных началах профессионального юридического труда в уголовном процессе⁶. Наконец, применение универсальных нравственных ценностей означало бы попытку разрешения возникающих перманентно в уголовном процессе конфликтов участниками, являющимися его сторонами, на основе одних и тех же правил, однако очевидно, что «нельзя быть судьей в собственном деле».

Таким образом, нравственность возникла и развивалась согласно принципу историчности (нравственные идеалы преходящи и субъективны) и таким образом повлияла на генезис форм уголовного судопроизводства. Еще в XIX веке П.С. Сергеич (Пороховщиков) удивительно глубоко заметил: «Нравственные воззрения общества не так устойчивы и консервативны, как писанные законы; ... глубоко вкоренившиеся, казалось бы, взгляды иногда со дня на день изменяются и часто сталкиваются между собой»⁷. Психологически это трудно ощутимо, ибо порою у человека здравомыслящего возникает априорное чувство, что нравственность является единой: поступки человека либо нравственны, либо безнравственны. Кроме этого, не следует забывать и о том, что нравственность как социально-идеологическая концепция в той или иной эпохе проходит последовательно стадии радикализма, либерализма, застоя и консерватизма; их же проходит в ходе социализации и индивид, следовательно, воспринятая им нравственная установка критикует «молодую», исходя из ее относительного консерватизма и консерватизма ее носителя (отсюда проблема «отцов и детей»).

В чем же историческая изменчивость морали, о которой Ф. Энгельс заметил: «Представления о добре и зле так сильно менялись от народа к народу, от века к веку, что часто противоречили одно другому» и как она повлияла на формирование системы отправления правосудия по уголовным делам?⁸

Если проанализировать развитие разных цивилизаций, то при всем различии мировых религий и нравственных порядков в глаза бросается их позитивный настрой: ни индуизм, ни буддизм, ни конфуцианство, ни иудаизм, ни христианство, ни ислам не требуют от человека бесчеловечного отношения к себе подобным, а предлагают с разными акцентами набор благодетелей. Как указывает Т. Москалькова, в христианстве провозглашались принципы человеколюбия, бескорыстно доброго поведения

и послушания, особой божьей справедливости, вводились даже элементы этики поведения при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, которые и должны были стать залогом как для преступности, так и для произвола уголовной юстиции⁹. В то же время жизненная практика их реализации людьми складывалась отнюдь не так последовательно: от несоблюдения нравственных догматов, обусловленной психологической природой конкретного человека (мораль в сущности и призвана ограничить эгоизм) до их полной лицемерной подмены в период социальных потрясений. Так, гуманизм христианства соседствует с воинственными крестовыми походами, борьбой с еретиками, не прекращавшимися даже в эпоху Возрождения, свобода и достоинство личности, в целом характерные для западной цивилизации, прошли испытание полицейскими режимами в период и некоторое время после эпохи Просвещения, тоталитарными режимами первой половины XX века (фашизм, «сталинская» Конституция 1936 г. и репрессии), есть исламское гостеприимство и исламский фундаментализм, российский патриотизм сегодня совмещается с безразличием к общим социально значимым делам и т. д.

Причина лежит в том, что исходные заповеди в конкретной исторической практике наполняются новым содержанием и подчас начинают противоречить условиям среды: с одной стороны, «не убий», а с другой – «необходимость защищаться от нападения», культ свободы личности немислим без его самостоятельности и самодисциплины (такая воля есть не у всех), нравственных, да и юридических прав не бывает без обязанностей (современные россияне это-то и не усвоили) и т. д. И на первый план, как справедливо указывает Е.А. Лукашева, в развитии морали во всех цивилизациях выходит положение человека¹⁰. Так, восточные цивилизации в силу географических и этнографических причин возникли раньше античного мира, благодаря аккумуляции человеческого ресурса долгое время были более продуктивными, но потом стали отставать в части практического извлечения пользы и стимулов такового, в чем как раз оказалась сильна эллинская культура с культом человека, а также ее цивилизационные потомки – христианство, европейский феодализм и капитализм.

В организации уголовного судопроизводства также видны различия, обусловленные смещением и закрепленностью приоритета нравственных ценностей индивидуализма и коллективизма. Если европейская система последовательно прошла стадии обвинительного (состязательного), инквизиционного и смешанного процессов (античность, феодализм, капитализм), то на востоке надолго утвердилось публичное начало в производстве по уголовным делам, к тому же существенно регулируемое религиозными догматами (суды Шариа).

Поэтому история цивилизаций позволяет нам всерьез говорить о противостоянии ценностной системы персоноцентризма, требующего уважения и гуманного отношения к личности, и нравственных императивов системоцентризма, которые объединяют общество в коллектив, в котором личность превращается в ресурс социума. В уголовном процессе это ярко выражено в весьма существенном практическом противоречии публичного и диспозитивного начал, публичного и личного интересов, наконец, справедливости уголовного преследования и необходимости гуманного отношения к участникам уголовного судопроизводства. Балансировка уголовно-процессуальных систем Европы и остального мира в последние 50 лет велась именно с учетом этих параметров.

Россия в этом цивилизационном процессе занимает особое место. С одной стороны, притчей во языцех стали свойственные российской государственности пренебрежение личностью, а также характерный для русских правовой нигилизм, даже в среде интеллигенции¹¹. Не случайно судебная реформа 1864 года и установление гласного уголовного суда преследовало целью, по утверждению ее авторов и поклонников, правовое воспитание населения. С другой стороны, у России имеются настоящие памятники правой традиции — судебники 1497 и 1550 гг., Стоглав 1551 г. и Соборное уложение 1649 г. Но, как и в XVI — XIX вв., современная Россия имеет развитое законодательство, однако порою бессистемное. Россию с трудом можно отнести к восточной культуре, ибо межкультурные контакты объективно привели к большему заимствованию на Западе: крещение, технологически ориентированные реформы Петра I, династические браки, организация правовой системы и правовой науки по романо-германскому образцу. Но Россия не является приверженцем западной культуры, ибо не имеет культа права, культа дисциплины, культа труда, культа участия в решении проблем местного и общегосударственного значения.

Такая противоречивость обусловлена исторически. Не случайно, наша страна, пожалуй, лидер по числу социальных реформ глобального, судьбоносного характера. Н.Г. Иванов в связи с этим обоснованно заметил, что крещение Руси, реформы Петра I, Октябрьский переворот, перестройка, изменив социально-политическую структуру общества, привели к отторжению старого типа нравственных устоев при невосприимчивости новых¹², что и является, на наш взгляд, главной причиной социальной неэффективности современного уголовного судопроизводства. Действующая уголовно-процессуальная форма наивнейшим образом пытается примирить целевую ориентацию на вульгарно понятые обществом демократические ценности Запада с инквизиционной сущностью основных процессуальных институтов, всецело защищенных ведомственным

интересом в условиях несовершенства кадровой работы. И дело не в отсутствии пресловутой состязательности на досудебных стадиях — таковым не удивишь континентально-европейские уголовно-процессуальные системы, а в заформализованности уголовно-процессуального доказывания, принуждения и системы принятия и проверки законности судебных решений по уголовным делам.

Примечания

¹ Современная философия: словарь и хрестоматия. Ростов н/Д., 1995. С. 151.

² Копяев В.С. Мораль и ее влияние на современное российское общество // Юрист. 1998. № 10. С. 15.

³ См.: Соловьев Э.Ю. И. Кант: знание, вера и нравственность // Прошлое толкует нас: очерки по истории философии и культуры. М., 1994. С. 173–174.

⁴ Букреев В.И., Римская И.Н. Этика права: От истоков этики и права к мировоззрению. М., 2000. С. 17, 19, 20, 21.

⁵ См.: Кобликов А.С. Юридическая этика. М., 2000. С. 13–17.

⁶ Рябина Т.К. Нравственные начала уголовного процесса. Курск, 2007. С. 26–35.

⁷ Сергеев П. (Пороховщиков П.С.) Искусство речи на суде. Тула, 1999. С. 129.

⁸ Цит. по: Кобликов А.С. Юридическая этика. М., 2000. С. 13–14.

⁹ См.: Москалькова Т. Нравственные истоки уголовного процесса // Человек и закон. 1997. № 4. С. 77–82.

¹⁰ Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. М., 2009. С. 151–177.

¹¹ См.: Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX — начала XX века // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 25, 32.

¹² См.: Иванов Н.Г. Нравственность, безнравственность, преступность // Государство и право. 1994. № 11. С. 23–26.

В.О. Белоносков*

ТОЛКОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ

Учитывая, что правоприменение напрямую зависит от правопонимания, в котором большую роль играет процесс толкования правовых норм, можно констатировать, что роль и значение толкования сложно переоценить. Оно всегда было, остается и будет актуальной проблемой правоприменения.

Преобладающий взгляд на толкование норм права как на один из этапов (элементов) правоприменительного процесса (наравне с установлением

---

* © Белоносков В.О., 2010

Белоносков Владимир Олегович — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского юридического института ФСИН России